

Н. Ю. Бердюгина

действительный член РГО, г. Екатеринбург

А. В. Слепухин

действительный член РГО, г. Екатеринбург

ЭМИЛЬ МАРИАНОВИЧ СЕНКЕВИЧ: ЧЕЛОВЕК, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ВРАЧ

Продолжающаяся вот уже в течение семи лет экспедиция «Манси – лесные люди» и поиск экспонатов для нашей этнографической выставки приводят порой к поразительным открытиям, позволяют прикоснуться к страницам жизни удивительных людей.

О докторе Сенкевиче мы узнали совершенно случайно. Поиски сведений о манси привели нас в Областной музей истории медицины. Его бывший директор Александр Дмитриевич Бальчугов был участником этнографической экспедиции в Ивдельском районе в 1963 г. Оказалось, что в музее хранится альбом с фотографиями манси, принадлежавший Э. М. Сенкевичу, доктору медицинских наук, страстному охотнику, исследователю. Позднее нам посчастливилось встретиться с его снохой – женой сына Зигмунда Тамарой Леонидовной Сенкевич, которая любезно познакомила нас с фотоархивом доктора.

Эмиль Марианович родился в семье Мариана Анастасьевича Сенкевича, участника польского восстания 1863 г., сосланного в Сибирь. О его детстве и юности не сохранилось никаких свидетельств. После окончания медицинского факультета Варшавского университета он приехал в Россию и, по словам Тамары Леонидовны, «чтобы заработать денег», уехал работать объездным врачом на Северный Урал.

Результатом трехлетнего пребывания молодого доктора на Севере стали не только исцеленные вогулы, но и замечательный труд, названный им «В дебрях Уральского Севера», опубликованный в середине 1920-х гг. в журнале «Уральский охотник», а также коллекция уникальных фотографий – свидетельство жизни некогда многочисленного и сильного народа. Работа и фотоархив Э. М. Сенкевича представляют собой прекрасный образец этнографических и антропологических наблюдений.

Три года (с 1905 по 1907) Эмиль Марианович проработал в Тавдо-Кондинском крае. В его ведении находилась огромная территория – это верховья бассейнов Тавды и Конды с их притоками: Пелым, Западная Сосьва, Лозьва, Немнел, Аах, Ворья, Муломья, Тап, Евра. В то время существовала только одна колесная дорога из с. Пельмского в Гаринское, поэтому летом связь могла осуществляться лишь по воде. С ноября, когда замерзали болота, оживали зимники, начиналась торговля.

Будучи страстным охотником, Эмиль Марианович большую часть своих записок посвятил описанию способов охоты и рыбной ловли у вогулов.

В верхнем и среднем течении Тавды, по словам Сенкевича, промышляли лося, куницу, белку, рябчика. В этом районе было много медведя, но из-за отсутствия хороших собак вогулы на него практически не охотились. Из-за нашествия медведей местное население терпело огромные убытки, в довоенное время доходившие до 900–1000 руб. в год. «Часто медведи разгуливают среди бела дня на улицах, спят в огородах, даже в церковной ограде. Бывали случаи задирания детей в самом селе», – пишет доктор.

В этом районе «иногда по зимам бывает много лосей. Так, в 1907 г., во время весеннего “чарыма” (наста), в три утра около Малых Гарей было убито более 60 лосей... в ту весну охотники были так не подготовлены к такой массе лосей, что, за недостатком пуль, стреляли пуговицами! В эти дни были забыты охотничьи традиции, и били лосей даже из-под чужих собак, что в обычное время считается непозволительным... Так, 13-летний Пилька, сын Данилы Немнельского, убил в ту зиму скрадом 15 лосей».

В верхнем течении Конды «один из лучших промышленников всего Тавдо-Кондинского края, Даниил Чекатов из Немнела, убивал ежегодно с двумя малолетними сыновьями около 40 соболей, от 10 до 25 лосей, от 25 до 40 оленей, белки 500–600 штук, рябчиков до 300 пар, глухарей около 100 штук, медведей 1–2 в год, бобров 1–3 в год. Кроме того, они между делом добывали около 100–200 пудов разной рыбы (главным образом язей и налимов)».

В своих записках Сенкевич подробно описывает охотничьи приспособления, встречающиеся у вогулов и русских охотников: ружья, самострелы, луки, слопцы, кулемы. В его архиве есть уникальные фотографии охотничьего снаряжения манси.

Целая глава записок посвящена охотничьим собакам. И это не случайно. «Удача промысла в очень большой степени зависит от качества собак – лаек. Хорошая собака для промышленника – все... несмотря на важность собаки для промышленника, на разведение собак не обращается среди туземцев почти никакого внимания... лайки специализируются по природным дарованиям и склонностям...».

Собаки в верховьях Конды используются и как упряжные животные, при вывозке сена, клadi и вывозке из леса мяса. Сила этих собак и особенно трудовая дисциплина, если так можно выразиться, необычайна. Трудно поверить, как прет какая-либо маленькая захудалая собачонка, прет без понукания, без кнута, без окриков!».

Интересны наблюдения за людьми. Во многом наши собственные впечатления после общения с современными манси перекликаются с впечатлениями и воспоминаниями Сенкевича.

Доктор пишет: «Кондинский или верхне-пелымский вогул прежде всего кроток, добродушен; немного наивен, всегда легкомыслен, но в то же время с оттенком меланхолии. Тяжелой работы вогул недолюбливает. По натуре он страстный охотник и склонен к увлечению, заметно отличаясь в этом отношении от русского промышленника, никогда не упускающего из вида материальную сторону дела. Вместе с этим вогул скрытен, особенно когда дело касается религиозных верований, ибо до сих пор большинство вогулов поклоняется своим шайтанам. Имея всегда ровное, слегка меланхолическое, свойственное жителям глухих лесов настроение, вогул любит все, что возбуждает его психику, т. е. табак и водку. Все они курят и все – охотники выпить при всяком случае, быстро пьянея.

Нерпальские вогулы отличаются более диким и недоверчивым характером... При своих поездках, особенно при поездке в Нерпалы, я столкнулся с большим непредвиденным затруднением, которое не всегда было возможно преодолеть: население было очень недоверчиво, дико и до того боязливо, что нужно было жить по неделям, снискивая расположение и доверие, без которого здесь нельзя сделать шагу».

Как и доктор, мы неоднократно сталкивались с тем, что манси очень неохотно рассказывают о себе. Необходимо встречаться с ними не раз и не два, чтобы они начали вам доверять. Очень помогают в этом случае наши рассказы о других манси, фотографии, сделанные во время экспедиций. Но, к сожалению, срабатывает это не всегда. А спирт и водку, которые, несомненно, на какое-то время облегчили бы нашу работу, мы им не привозим.

В сближении с вогулами молодому доктору помог несложный химический опыт: получение порошка двуокисистой ртути – киновари. А киноварь – «самое могущественное средство вогульской народной медицины, которое знает каждый вогул». Доктор пишет: «Этот опыт окончательно убедил вогулов. Точно рушилась какая-то стена, отделявшая нас друг от друга, и сразу пошел разговор совершенно другой.

Через несколько минут вогулы, по своему почину, насильно втащили для осмотра и лечения самого своего «дохтура», 20-летнего Степанку, из всех сил отбивавшегося от своих односельчан. Я был удивлен и не знал, что это значит.

– Огляди его. У него болит яйцо, – заявили мне окружающие.

После этого я пробыл в Касате еще четыре дня и в течение этих четырех дней сделал и узнал больше, чем за весь предыдущий месяц.

Расстались мы друзьями. Ямщики касатские отвезли меня в Яхват-пауль, жили там целый день и своими рассказами подготовили мне почву и в этой, в высшей степени недоверчиво настроенной деревне».

В завершение хотелось бы еще раз процитировать доктора Сенкевича: «Заканчивая описание Тавдо-Кондинского края, я должен сказать, что этот естественный заповедник соболя и бобра уже давно привлекает к себе внимание ученого мира как местожительство вогулов, сородичей венгров. В 1908 году их оставалось в относительно чистом виде всего несколько сот человек, причем все верховья, наиболее интересные в промысловом отношении, оказались заселенными наиболее интересными типами; но они обнаруживали все признаки вымирания.

В свое время я сделал поголовное медицинское обследование всего населения этого края. Интересно знать, что там творится теперь?».

Теперь, к сожалению, творится страшное. Манси остались без медицинской помощи. Какой уж там объездной врач! До ближайшей больницы в Ивделе более 100–150 км по тайге, болотам и грунтовой дороге. Манси вымирают. Туберкулез и суррогатный спирт.

А доктор Сенкевич прожил долгую и интересную жизнь. После возвращения с Севера он прошел стажировку в клиниках Парижа, Берлина, Вены. Женился, работал хирургом в войсках Красной армии, в течение десяти лет возглавлял Красноуфимскую больницу. Долгое время проработал в Свердловской областной больнице, защитил кандидатскую, затем докторскую диссертации. Всю жизнь был страстным охотником и написал немало очерков об охоте, охотничьем снаряжении. Он погиб в августе 1953 г.